

*Всем, кто клеймен был статьёю полсотни восьмою,
кто и во сне окружён был собаками, лютым конвоем,
кто по суду, без суда, совещаньем особым
был обречён на тюремную робу до гроба,
кто был с судьбой обручён кандалами, колючкой, цепями,
им наши слезы и скорбь, наша вечная память!*

30 октября выбрано Днем жертв репрессий не случайно. В этот день в 1972 г. в мордовском лагере умер Юрий Галансков, получивший срок за свой протест против лишения свободы Синявского и Даниеля - писателей, осуждённых за опубликование своих рассказов за рубежом.

Через 2 года, в октябре 1974 г. группа союзников Галанскова сумела передать на волю предложение отмечать во всём мире этот день как День политзаключённых. Что и было принято мировым сообществом. И исполнялось и в советских лагерях - посредством голодовок - несмотря на неминуемые карцеры, запреты свиданий, переводы на тюремный режим и прочие прелести. До 1974 года в качестве Дня политзаключённых отмечалась другая дата – 5 сентября – годовщина известного декрета 1918 года “О красном терроре”, который помимо расстрела “всех лиц, прикосновенных к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, ввел в Советской России концентрационные лагеря...”.

Указ президента знаменовал разрыв нового государства с советским репрессивным режимом. Насколько этот разрыв подтверждается новой практикой, мы можем судить сами.

Но задумывался ли президент, подписывая свой указ, о том, что слово “*репрессии*” вряд ли соответствует тому, что происходило с установлением у нас советской власти.

В самом деле, – *что такое репрессия?* Это – когда власть карает людей, за какие-то их действия против неё – так? Между тем, подавляющее большинство тех, кого сегодня вспоминаем, ни о каких действиях против власти и не помышляли.

Ни тысячи инженеров, арестованных в связи с “шахтинским делом”; ни сотни тысяч замученных, расстрелянных, загубленных в 1937 – 1938 гг. партийцев, наивно веривших, что они – ум, честь и совесть эпохи строят светлое будущее для всех трудящихся; ни миллионы крестьян, поверивших “новой экономической политике”, объявленной в 1921 году и оказавшиеся через 7 лет жертвами “политики ликвидации кулачества как класса”. Не боролись против власти ни расстрелянные маршалы и генералы – почти весь советский генералитет, ни поэты: Гумилёв, Табидзе, Смеляков, Заболоцкий; ни артисты – Русланова, Дворжецкий, Михоэлс, ни автор траектории будущего американского полёта на Луну Кондратюк, или будущий руководитель советской космической программы Королёв, или самолётостроитель Туполев, ни генетики Вавилов, Пантин, Тимофеев-Ресовский, ни наш физик Румер, астроном Козырев, историк Гумилёв, ни поголовно уничтоженный еврейский антифашистский комитет, ни жертвы послевоенного “ленинградского дела”, не говоря уже о миллионах пленных солдат...

Крупнейшие лагеря, в которых отбывали наказания заключённые, находились на Соловках и на Колыме. Условия содержания заключённых в этих лагерях привели к большим человеческим жертвам. Охрана на Соловках состояла из сотрудников ОГПУ, уличённых в преступлениях по службе и отправленных на Соловки для исправления. И они творили там произвол. Новых заключённых встречали словами: “Здесь не Советская республика, а Соловецкая! Усвойте! Нога прокурора ещё не ступала на соловецкую землю, и не ступит! Знайте! Вы сюда присланы не для исправления! Горбатого не исправишь”.

Жизнь походила на театр абсурда. Выпускался свой журнал “Соловецкие острова”. А с 1926 г. на него была объявлена Всесоюзная подписка. Существовал и свой драматический коллектив, потому что там сидело очень много деятелей культуры. А ботаники и искусствоведы состояли в Соловецком обществе краеведов.

С Соловецких островов было только два побега. Существовали разные меры умерщвления людей. Из 84 тысяч погибло 43 тысячи человек.

На Колыме в разные годы отбывали наказание 2,5 млн. человек, из них погибло 950 тыс. человек. Умирали от истощения и связанными с ним болезнями. Размер пайка стал для лагерной администрации главным средством заставить заключённых до конца выкладываться на работе. Ударникам полагался усиленный паёк и возможность досрочного освобождения, а тем, кто не выполнил норму, безжалостно паёк урезали.

С 1938 г. начали проводить массовые расстрелы, тем самым избавляясь от неугодных заключённых.

Это не репрессии, это - **тупое насилие**, которое даже политическим не назовёшь. Просто насилие власти, ощущающей себя властью только в актах насилия, чем беспричинней, тем упоительней!

Ничего нового в этом отношении советский режим не изобрёл. Если вдуматься, **насилие выполняло функцию основнойпроизводительной силы**. Правда, система эта не умела производить ничего, кроме насилия. Но уж это она производила в расширяющихся масштабах.

Годы “Большого террора” (1937-38 гг.) унесли неизвестное до сего времени количество жизней наших соотечественников. Поражают даже **официально опубликованные цифры: 1 344 923 арестованных, 681 692 расстрелянных.**

Известный историк Р.Конквест называет другие числа: 12-14 млн. арестованных, не менее 1млн. расстрелянных; Комиссия ЦК (1962 г.) и того больше: 19 млн. арестованных, не менее 7 млн. расстрелянных.

Как бы то ни было, **оба названия – ежовщина и Большой Террор - неточны.** НКВД, проводивший в те годы массовые аресты и расстрелы, действительно, возглавлял Н.Ежов, но не ему принадлежал замысел этой акции. Если уж связывать это с чьим-то именем, то надо бы называть слово **сталинщина**. Достаточно вспомнить, что в ходе большого террора были уничтожены члены ЦК – почти все ближайшие соратники Ленина, 95% высшего генералитета – создатели ещё ленинской Красной Армии. Все они – отнюдь не враги ни Сталина, ни тем более – советской власти.

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, -
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Это строки из «Реквиема» Анны Ахматовой. В страшные годы ежовщины она провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то “опознал” её. Тогда стоящая за ней женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала её имени, очнулась от свойственного им оцепенения и спросила её на ухо (там все говорили шепотом):

– А это вы можете описать?

И Ахматова сказала:

– Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было её лицом.

Перед этим горем гнутся горы,
Не течёт великая река,

Но крепки тюремные затворы,
А за ними “каторжные норы”,
И смертельная тоска.
Для кого- то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат –
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжёлые солдат.
Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мёртвых бездыханней,
Солнце ниже, и Нева туманней,
А надежда всё поёт вдали.
Приговор.... И сразу слёзы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идёт...Шатается...Одна.
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской вьюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный мой привет.

Большой террор был тщательно спланирован – как своеобразная войсковая операция. Причём убийство Кирова 1 декабря 1934 г. только внешне выглядело поводом для развязывания террора, скорее оно было одним из мероприятий его кадровой и психологической подготовки.

Сам же план Большого Террора с разбивкой всего населения на группы и категории, процентными нормативами по каждой категории и лимитами на аресты и расстрелы по областям и республикам был представлен Ежовым на утверждение Политбюро ЦК ВКП (б) 2 июля 1937 г. Ликвидации или лишению свободы подлежали не только остатки “враждебных классов” (включая детей), бывшие члены враждебных партий и участники белого движения (и их дети), но и коммунисты – бывшие члены всех оппозиционных течений в ВКП (б) – 383 списка виднейших партийных и государственных деятелей.

Это было, когда улыбался
Только мёртвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осуждённых полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звёзды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами чёрных марушь.

Идеологически Большой Террор был обоснован ещё в 1928 г. сталинским тезисом об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму; тезис этот доказывался самими же репрессиями: “Шахтинский процесс” – лето 1928 года, арестовано больше 2000 инженеров, 5 из них – расстреляно; процесс “Промпартии” – 1930 г., расстреляны Чаянов, Кондратьев - экономисты мирового уровня; “дело о вредительстве на электростанциях” – 1933 г., арестованы сотни специалистов в Москве, Челябинске, Златоусте, Баку.

Формально Большой Террор закончился 17 ноября 1938 года.

И упало каменное слово
На мою ещё живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.
У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.
А не то... Горячий шелест лета,
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

25 ноября 1938 года на пост народного комиссара внутренних дел назначен Берия, большинство ежовских следователей арестовано и расстреляно, 327400 “ежовских” узников освобождено. Сам Ежов был назначен народным комиссаром водного транспорта, затем этот наркомат упразднили, а Ежов арестован и расстрелян. Но о его аресте, суде и расстреле никогда не сообщалось официально, лишь в языке возникло слово “ежовщина”, но официально и оно не употреблялось.

Исчисляемое миллионами, количестве жертв Большого Террора остаётся неопределённым, места их захоронения открываются случайно. Наследники НКВД делают всё, чтобы не допустить обнародования расстрелянных списков. Вот, например, в Карелии вблизи Медвежьегорска обнаружено массовое захоронение. Здесь 27 октября 1937 г. были расстреляны 1111 человек.

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жёсткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и чёрных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною, ослепшею стеною.

Много суровых испытаний, жертв, и лишений выпало в XX веке на долю нашей страны. Две мировые и Гражданская война, голод иразруха, политическая нестабильность унесли десятки миллионов жизней, заставляя вновь и вновь восстанавливать разрушенную страну.

Но и на этом фоне страшными страницами нашей истории стали политические репрессии. Более того, унижены и уничтожены лучшие из лучших, у которых и в мыслях не было бороться против своего народа. Тысячи инженеров, сотни тысяч замученных, расстрелянных, загубленных партийцев, миллионы крестьян, оказавшиеся жертвами раскулачивания, маршалы и генералы, ученые и поэты, писатели и артисты, которые на самом деле были преданы Родине.

О массовых репрессиях 30-х годов написано немало. Напечатаны многие лагерные мемуары, рукописи бывших заключённых Колымы и ГУЛАГа, стали доступны документы из архивов НКВД. Но самые бесстрастные свидетели на суде истории – письма узников лагерей.

Письмо

5 мая 1938 год. «Дорогие мои Анечка, Лорочка и Лялочка! Вчера нас привезли в Котлас. Находимся сейчас на пересыльном пункте Ухтанечорского лагеря НКВД. Отсюда должны отправить на место, где придется отбывать свой долголетний срок лагерного заключения. Когда и куда будет отправка, это неизвестно. На каких работах придется быть, это тоже еще неизвестно...»

8 июля 1938год «.. Пишу из пересыльного пункта Устьвымлага. Сюда привезли позавчера ,отсюда увезут дальше, в Желдорлаг. Кажется, это будет последний этап нашего следования к месту нашего заключения.... Вся душа моя, весь дух мой – это только Вы, мои дорогие. Не забывайте своего несчастного папочку.... Будьте здоровы. Сильно, сильно целую вас. Ваш отец»

11 сентября 1938 год «...Сегодня меня направляют на лечение на 42 пункт, а оттуда в Княж - Погост, очевидно, в стационарную больницу. Покасовсем неважно у меня. Весь я отёк и опух, ходить не могу, задыхаюсь. Но надеюсь, что всё это временное явление и при хорошем лечении в больнице быстро все пройдет и я смогу работать. Будьте здоровы. Сильно, сильно целую Вас. Ваш отец»

Крупнейшие лагеря, в которых отбывали наказания заключенные, находились на Соловках и на Колыме. Условия содержания заключенных в этих лагерях привели к большим человеческим жертвам.

Историю не исправить, единственное, что остается – это восстановить справедливость и законность, чтобы ни одно событие, ни одна дата, ни одна судьба не были забыты.

По решению правительства Российской Федерации во всех регионах созданы Книги Памяти жертв политических репрессий. И в этой масштабной и гигантской работе важно не потерять ни одного свидетельства той трагической и героической страницы нашей истории.

Люди, сквозь призму сегодняшних дней
Помните зверство кровавых вождей.
Их произвол мы не можем забыть.
Нужно его навсегда запретить.
Память замученных в пытках священна.
Память убитых в застенках нетленна.
Где их могилы? Никто нам не скажет.
Пусть на тела их земля пухом ляжет.
Жертвам репрессий с открытой душой.
Провозгласите всевечный покой.
Свечи поставьте, колени склоните
Память о них навсегда сохраните.